

Категория лица в акте речи: сопоставление французского и русского языков

Е. Л. Туницкая

*Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
Москва, Россия, thon@list.ru*

Аннотация. Объект данного сопоставительного исследования – употребление категории лица в акте речи на французском и русском языке. Сопоставление выполнено в прагматическом аспекте, где высказывание рассматривается как отражение ситуации речи. Теоретическая значимость подхода заключается в том, что акцент при сопоставлении делается не столько на системных грамматических показателях, сколько на узусе, т. е. употребительности тех или иных форм лица в речевых актах, как в устной, так и в письменной форме – в административно-деловом и научном стилях.

Ключевые слова: категория лица, речевой акт, позиция говорящего, узус, административно-деловой стиль, научный стиль, номинативное предложение

Для цитирования: Туницкая Е. Л. Категория лица в акте речи: сопоставление французского и русского языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 113–119.

Original article

The Category of the Person in the Act of Speech: Comparison of French and Russian Languages

Elena L. Tunitskaya

*The All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation
Moscow, Russia, thon@list.ru*

Abstract. The object of this comparative study is the use of the category of a person in the act of speech in French and Russian. The comparison is carried out in a pragmatic aspect, where the statement is considered as a reflection of the situation of speech. The theoretical significance of the approach lies in the fact that the emphasis in the comparison is not so much on system grammatical indicators as on *usus*, that is, the use of certain forms of a person in speech acts, both orally and in writing – in administrative, business and scientific styles.

Keywords: category of person, act of speech, speaker's position, *usus*, administrative and business style, scientific style, nominative sentence

For citation: Tunitskaya, E. L. (2024). The category of the person in the act of speech: comparison of French and Russian languages. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(882), 113–119.

ВВЕДЕНИЕ

Под прагматической категорией лица мы понимаем совокупность параметров употребления формы лица на этапе высказывания (в координатах *moi, ici, maintenant*), т. е. в аспекте дейксиса. В орбиту нашего внимания могут попасть и формы, отсылающие к личным местоимениям – *mon, le tien* и т. п.

Цель исследования заключается в сопоставлении прагматической категории лица во французском и русском языках.

Наш выбор пал на данный термин «категория лица» в противовес термину «категория субъекта», поскольку последний может использоваться в аспекте логики построения суждения (оппозиция субъект – предикат), а также в исследованиях семантической (актантной) структуры предложения и даже в сфере актуального членения высказывания.

В то же время не рассматриваются собственно морфологические аспекты, такие как соотнесение лица подлежащего и глагольной формы.

Мы привлекли в качестве *материала* для анализа как устно-речевые высказывания диалогического характера, так и материалы официальной речи и деловой переписки.

Основным методом стало сопоставление французских речевых актов с их русскими эквивалентами.

Гипотетически говорящий субъект описывает ситуацию с позиции одного из коммуникантов (*moi / toi*) или третьего лица, причем выбор позиции при описании одной и той же ситуации франкоязычным и русскоязычным коммуникантом может не совпадать. Подобное несовпадение отмечалось рядом известных авторов, например, при создании курса сопоставительной грамматики.

Мы считаем *теоретически значимым* обращение не только к языковой системе, но и к узусу, который дает обширный материал для сопоставления.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В отечественной традиции на рассматриваемую нами проблему обращал свое внимание В. Г. Гак. В своей фундаментальной работе, посвященной французской грамматике, ученый отмечал, что при одном и том же содержании высказывания говорящий может ориентировать это высказывание на разные лица, участвующие или нет в речевом акте. Разница очевидна при эквивалентном переводе на русский язык французского высказывания: «*Je te signale que...*» ⇒ «Учи, что...» [Гак, 2004, с. 764].

Мы наблюдаем, что говорящий занимает определенную позицию: француз ориентирует речевой

акт на себя, русский мысленно встает на позицию собеседника.

Очевиден вопрос, можно ли предложить переводческий эквивалент, структурно повторяющий оригинал: «Я обращаю (твое) внимание что...». Вопрос не в грамматической корректности (она соблюдена), а в частотности употребления такого варианта, т. е. в узусе. Тем более что такой перевод грешит рассогласованием обращения на «ты» и более официального лексического оформления высказывания. Таким образом, узус играет существенную роль в успешности коммуникации.

Преобладание той или иной узуальной модели в языке позволяет, по мнению известного исследователя А. Вежбицкой, говорить о менталитете носителей данного языка. Исследователь говорит о «прагматической маркированности» узуальных структур [Вежбицкая, 1996].

Фактически речь вновь идет о выборе точки зрения на описываемую ситуацию, который французский исследователь Б. Потье именовал термином «*vision*» [Pottier, 1992]. Оговоримся, что термин, предложенный Б. Потье, гораздо шире рассматриваемого нами явления: в данной статье мы говорим лишь об одной из форм проявления позиции говорящего – выражение ее личным местоимением, которое именует участника ситуации. В целом же позиция говорящего проявляется и другими разнообразными способами, например, через пространственный дейксис (*здесь / там, далеко / рядом*), через категорию залога и т. п.

Так, сравнивая французское «*J'ai des ennuis*» с русским «У меня (случились) неприятности», А. Вежбицкая подчеркивает тенденцию русскоязычного говорящего представить себя не агенсом, а пациенсом процесса, в чем автор усматривает стремление подчеркнуть свою зависимость от обстоятельств.

Добавим, что подобного рода конструкции, особенно семантически связанные с выражением чувств или иными процессами, в русском языке действительно изобилуют. Сравним:

J'ai réussi ⇒ Мне удалось....

Je regrette ⇒ Мне жаль.

J'ai mal ⇒ Мне больно.

Il est confus ⇒ Он сконфужен; ему неудобно.

Говоря о категории лица в акте речи, нельзя обойти вниманием французское местоимение *on*, обладающее, как известно неопределенным или обобщенным значением: *on frappe* = *quelqu'un frappe*; *on sait* = *tout le monde sait* ⇒ общеизвестно.

В целом речь идет о достаточно изученном явлении в аспекте морфологии и синтаксиса, а

подбор русского эквивалента этого местоимения в конкретных случаях диктуется обычно не узусом, а правилами традиционной грамматики.

Однако нас может заинтересовать возможность транспозиционной замены местоимением *on* в разговорной речи или художественном тексте практически любого лица при его повторной номинации. В ряде случаев, даже без повторной номинации, для понимания достаточно ситуационного контекста:

Alors, on est triste comme toujours? (ироничное обращение к собеседнику) ⇒ Ну что, (ты) как всегда, печален?

В подобных случаях справедливо говорить об узуальном использовании местоименной формы *on*.

В. Г. Гак относит данное явление к свойственному французскому языку использованию более абстрактного знака при повторной номинации.

Нам представляется также существенной тенденция к языковой экономии, поскольку данная замена позволяет говорящему упростить морфологию (спряжение) глагольной части высказывания. Заметим, что в русском или испанском языках, где морфологическая категория лица может быть выражена только глагольным окончанием при формальном отсутствии подлежащего, подобное явление не наблюдается.

Эквивалентом перевода с французского на русский чаще всего будет служить личное местоимение, которое восстанавливается по контексту или ситуации. Как показывает приведенный выше пример, местоимение *ты* может быть в русском переводе опущено.

Итак, по мнению В. Г. Гака, приводящего примеры разговорного стиля речи, для французского языка частотность употребления личных местоимений в речевой акте устанавливается от 1-го лица (максимум), через 2-е лицо к 3-му (минимум) [Гак, 2004]. Русский же, напротив, описывается по схеме 3-е лицо ⇒ 2-е лицо ⇒ 1-е лицо.

Например, для высказывания «*Je laisse couler*» предлагается эквивалент «Пусть идет как идет».

Данную схему можно принять с той оговоркой, что 3-му лицу в обоих языках чаще соответствует не собственно «он», а безличная или неопределенно-личная форма, в том числе и для французского формального подлежащего:

Il faut. ⇒ Надо.

Il est à noter. ⇒ Следует заметить.

Рассмотрим следующие примеры:

Est-ce que je pourrais emprunter ton portable? ⇒

Можно мне взять твой мобильник?

Je voudrais ajouter. ⇒ Мне бы хотелось добавить.

Они не столь однозначны, хотя мы вновь наблюдаем доминирование первого лица во французском варианте и безличный оборот в русском. Однако первое лицо говорящего здесь присутствует в форме косвенного падежа, так что его категориальная отнесенность к первому лицу отчасти сохранена. Правильнее говорить, в таких случаях, не о смене лица, а о понижении статуса лица от подлежащего к дополнению, тем более что иного лица – участника ситуации мы не наблюдаем.

Вслед за В. Г. Гаком и А. Вежбицкой, можно действительно констатировать склонность носителей русского языка в разговорной речи выражать свои чувства и ощущения, используя безличную форму глагола или номинативное предложение. Сравним:

J'éprouve (j'ai) une grande joie! ⇒ Мне так радостно!
У меня большая радость. Какая радость!

Je suis mal à l'aise parmi mes collègues. ⇒ Среди коллег мне неуютно, неудобно.

Отметим, что высказывание «Я испытываю большую радость» грамматически вполне корректно, но вряд ли употребительно в устной речи. В случае же «(?)Я имею большую радость» язык полностью блокирует дословный перевод.

Перевод второго примера с подлежащим в 1-м лице также возможен: «Среди коллег я чувствую себя неуютно». Однако этот вариант искусственно усложнен.

В следующих примерах замене подвергается конструкция с подлежащим 2-го лица:

Tu aurais dû réfléchir avant de lui parler. ⇒ Тебе бы следовало подумать, прежде чем с ним разговаривать.

Tu devrais le remercier pour ce qu'il a fait pour toi. ⇒ Тебе стоит (следует) его поблагодарить за сделанное для тебя.

Мы вновь сталкиваемся в русском языке не столько со сменой лица участника ситуации, сколько с понижением его формально-синтаксического статуса в безличном высказывании. Это явления (чаще – в русском языке) соотносимо с предикатами семантики состояния (чувства), процесса, долгого существования, но не действия.

Однако не следует упрощать проблему. Прежде всего необходимо, на наш взгляд, разграничить в анализе речи разговорно-бытовую речь

и официальный стиль как в устной, так и в письменной форме.

В официальной речи, особенно письменной (деловая переписка), наблюдается иная картина. Французский язык здесь часто использует форму 1-го лица (так называемые перформативные конструкции):

Je déclare la séance close! ⇒ Объявляю заседание закрытым. / Заседание объявляется закрытым.

Je passe la parole à Monsieur N. ⇒ Я предоставляю слово Господину N. / Слово предоставляется Господину N.

La jury décerne le prix à Monsieur Grassain ⇒ Жюри номинирует на премию Господина Грассена.

В примерах перформативный речевой акт часто сохраняется при переводе на русский язык, хотя вполне допустим и синонимичный вариант.

Je vous arrête! ⇒ Вы арестованы.

В последнем примере перформативный акт в русском языке не употребляется: (?) *Я вас арестую (тут же, немедленно).*

Рассмотрим также несколько примеров из официальной переписки:

Veillez trouvez ci-joint notre nouveau catalogue.

Или:

Vous trouverez ci-dessous notre nouveau catalogue. ⇒ Направляем вам в приложении каталог...

Vous allez manipuler le nouvel appareil avec plus d'aisance. ⇒ Наш новый прибор более удобен в обращении.

Очевидно, что пишущий франкофон в подобной ситуации встает на позицию адресата речи (2-е лицо), тогда как русский, напротив, сохраняет 1-е лицо – непосредственно, как в примере один, или опосредованно косвенным падежом, как в примере два. То есть официальной речи свойственны иные тенденции, нежели речи разговорной.

La vérification a démontré un manquant important dans la deuxième caisse / A la vérification il s'est avéré un manquant important dans la deuxième caisse. ⇒ При проверке обнаружилась (была обнаружена, нами была обнаружена) недостача во втором ящике.

L'analyse a confirmé la qualité non conforme des tissus livrés / Au cours de l'analyse il a été constaté la qualité non conforme des tissus livrés. ⇒ Анализ подтвердил несоответствие качества ткани (образцам).

Показательно, что в подобных случаях официальной переписки, где намечается конфликтная ситуация, оба языка стремятся избегать высказываний от 1-го лица, которое грамматически вполне возможно, но узус свидетельствует о желании коммуникантов подчеркнуть объективный характер передаваемой информации, высказаться «отстраненно».

В том же аспекте следует остановиться на специфике научного стиля, которую мы рассмотрим на примере юридического научного исследования.

Для французского научного стиля характерно желание пишущего избежать высказываний от 1-го лица единственного числа. Это отмечалось, например, в работах В.А. Кожемякиной [Кожемякина, 1987]. Ту же тенденцию мы наблюдаем в русском языке.

Исследователи функциональных стилей говорили бы о стилистической особенности научного стиля, специалисты по лингвопрагматике – о языковой характеристике соответствующего жанра. Нам представляется, что одно вытекает из другого. С прагматической точки зрения речь идет о стремлении показать объективный, независимый от говорящего субъекта характер констатации (наблюдения). То есть стремление к объективации высказывания роднит французский и русский научный стили. Некоторое отличие можно отметить на уровне преобладания той или иной формы объективации. Так, в русском научном тексте доминирует местоимение *мы*, часто встречается также безличная конструкция, а для французского – характерно неопределенно-личное местоимение *on*, о котором говорилось выше. Сравним:

C'est dès récemment que l'on a pu constater que les juristes français avaient aussi investi ce nouveau champ de recherche [Truilhé-Morengo, 2002, с. 38]. ⇒ Ныне мы констатируем... / В последнее время стало ясно, что французские юристы также внесли свой вклад в это новое направление исследований.

Автор с целью аргументации иногда заявляет свою позицию не как сугубо личную, а как общепринятую, общеизвестную. Универсализация своей позиции в языковом плане также реализуется местоимением *on*:

On sait que... ⇒ Общеизвестно, что...

On considère que..., on conçoit que... ⇒ Обычно считается, что...

On envisage que... ⇒ Обычно рассматривают....

Тем не менее форма 1-го лица множественного числа *nous* иногда используется для объективации содержания во французском тексте:

Nous utiliserons donc la notion de contrats spéciaux [Truilhé-Morengo, 2002, с. 43]. ⇒ Итак, мы будем использовать понятие специализированных контрактов.

Употребление обобщающего *nous* обуславливает появление притяжательного прилагательного *notre*:

C'est à ce titre que les dispositions du droit communautaire entrent directement dans le cadre de notre étude [Truilhé-Morengo 2002, с. 43]. ⇒ Именно на этом основании наше исследование охватывает положения европейского права.

Близким по функции является использование императива 1-го лица множественного числа:

Notons que... ⇒ Отметим, что...

Во французском научном тексте мы встречаем и иные средства именования скрытого или обобщенного субъекта, такие как:

Tout porte à croire... ⇒ Всё заставляет полагать...
Il faut convenir que... ⇒ Следует признать, согласиться...
Il convient de souligner... ⇒ Надлежит подчеркнуть...

Как видно из примеров, французский и русский научный стиль в равной мере опираются на безличные конструкции, которые используются для выражения утверждения, возможности и вероятности, полезности действия. Особенно часто речь идет об универсальном безличном долженствовании:

Il convient donc d'envisager... ⇒ Следует рассмотреть...
Il suffit d'observer... ⇒ Достаточно обратить внимание на...

Pour qu'un contrat se forme, il est nécessaire que soit émise une offre ferme [Goubeaux, Bihr, 2001, с. 89]. ⇒ Для формирования контракта необходимо, чтобы было сделано твердое предложение.

Частота употребления пассивной конструкции также способствует объективации высказывания на прагматическом уровне. Неоднократно отмечалось, что французский научный стиль чаще использует пассивную конструкцию, чем, например, разговорно-бытовая речь.

С точки зрения выражения категории лица, речь будет идти, как правило, о 3-м лице единственного или множественного числа. Однако в подобных примерах подлежащее третьего лица не будет являться субъектом описываемого действия.

Анализ примеров показывает, что русский язык предпочтет, скорее, местоименную форму глагола в ее пассивном значении, а не собственно пассивную конструкцию. Но прагматическая функция «десубъективации» подлежащего в третьем лице останется неизменной.

Loin d'avoir été trop souvent abordée, la question semble l'avoir été de manière imprécise [Truilhé-Morengo, 2002, с. 43]. ⇒ Этот вопрос, по-видимому, не слишком часто затрагивался, да и трактовался неточно.

Пассивная форма может служить «маскировке» авторской точки зрения под общепринятую:

Le terme évocateur de contrat d'adhésion est employé couramment pour désigner ce type de contrat... [Goubeaux, Bihr, 2001, с. 89]. ⇒ Для обозначения этого типа договора используется обычно наглядный термин «договор о присоединении».

Особый интерес представляет проблема выражения категории лица в номинативном предложении.

Прежде всего следует разграничить неполное номинативное предложение в диалоге (диалогическом единстве), когда лицо субъекта восстанавливается по контексту:

- Qui en est coupable?
- Mais les deux.

Однако в художественном тексте, особенно в поэтическом и прозаическом, наблюдаются номинативные предложения, не входящие в диалог. Их нельзя трактовать как неполные. Приведем пример общеизвестного стихотворения А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

По мнению В. Г. Гака, с которым мы согласны, во французском языке их нельзя также трактовать как сокращенный вариант бытийных высказываний: «Bruit de pas très proche» нельзя рассматривать как сокращенный вариант для бытийного высказывания «Il y a un bruit de pas» или «On entend un bruit de pas» [Гак, 2002, с. 712]. Действительно, в языке существуют обе модели, и говорящий выбирает одну из них для решения, по всей вероятности, художественной задачи в прагматическом плане. Аналогичные выводы можно сделать и для

русского языка. Таким образом, подобные «поэтические» номинативные предложения являются нерасчлененными конструкциями, моноремами, включающими как субъект, так и предикат. Исследователь предлагает соотносить номинатив со сказуемым или с подлежащим в зависимости от контекста для каждого конкретного случая.

В рамках данной статьи отметим лишь, что во французской прозе подобные конструкции чаще всего являются частью внутреннего монолога или описания событий глазами персонажа:

Ce confort qu'il a toujours protégé de ce que ressentait les autres.... Si normal qu'elle se lève sur la pointe des pieds nuit après nuit pour aller reconforter l'enfant qui pleurait. Son monde à elle... Pas le sien ! Si normal qu'elle reste seule à ranger la cuisine... [Oumhani, 2007, с. 105].

Des toiles de femmes, immenses surfaces de couleurs, eaux tranquilles, ciels en fusion. ... Facile, trop lisible peut-être... [там же, с. 13].

Rumeur de cris et d'un corps qui s'affole, pris au piège de ceux qui broient les êtres.... Des images entre les mains des hommes [там же, с. 85]

Ahham ralentit le pas. Une rue adjacente, pavée de gris [там же, с.10].

Имитируемый писателем процесс формирования речи-мысли персонажа еще фрагментарен, мысль лишь частично передается словом. Читатель сам во многом достраивает логику мысли. Не случайно подобные отрывки напоминают текст поэтический.

Русские номинативные конструкции в художественном тексте функционально аналогичны французским и сохраняются при переводе.

В этом случае возникает вопрос о выраженности в них категории лица: присутствует ли она в таком высказывании? Представляется, что данная проблема требует серьезного самостоятельного исследования.

Выскажем лишь некоторые предварительные суждения. Формально речь идет о неодушевленном 3-м лице единственного или множественного числа, которое не является субъектом действия. Значение такого номинативного предложения ближе к бытийному: «Il y a un bruit de pas» или «On entend un bruit de pas». Бытийное же предложение либо безлично, либо неопределенно-лично. Если же рассматривать текст с прагматической позиции как дискурс, то субъектом речемыслительного процесса или процесса наблюдения является созданный автором произведение персонаж, позицию которого сам автор разделяет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, использование того или иного прагматического лица при описании ситуации может не совпадать в разных языках, причем чаще на уровне узуса, а не грамматических требований системы. Это явление следует учитывать в обучении, в частности при подготовке переводчиков.

Первое или второе лицо (именование говорящего или адресата речи) часто не устраняется из высказывания, но наблюдается понижение его синтаксического статуса (подлежащее становится дополнением). При этом часто используется безличная форма предложения.

Особое место во французской грамматике, например, и в сфере узуального употребления грамматических форм, занимает местоимение *on*, обладающее не только уникальным неопределенным и обобщенным значением, но и специфической лингвопрагматической функцией замены любого лица в разговорной речи.

Именование прагматического лица в речевом акте зависит от семантики предиката. Так, русскоязычный говорящий часто избегает 1-го лица подлежащего *я*, говоря о состояниях, чувствах, процессах. Французскому языку это не свойственно. Однако и франкофон избегает употребления 1-го лица в официально письменной речи в связи с объективацией сообщаемого факта как независимого от его воли.

Отметим, что научный и административно-деловой стили в аспекте категории лица имеют ряд сходных черт, которые объясняются стремлением объективировать содержание высказывания, «скрыть» позицию говорящего субъекта. Тем не менее следует учитывать и ряд отличий в рассматриваемых языках. Например, использование местоимения *on* во французском научном стиле с преобладанием формы *мы* в русском, более частое использование пассивной конструкции во французском научном стиле.

Что касается специфики выражения категории лица в номинативном предложении, то определение лица в диалогическом высказывании (неполное предложение) затруднений не вызывает. Выражение данной категории в номинативных предложениях художественного (поэтического) текста как на французском языке, так и на русском, напротив является интересной самостоятельной задачей, требующей отдельного исследования.

Таким образом, рассматривая реализацию категории прагматического лица в речевом акте, необходимо учитывать стиль и форму речи, что, по нашему мнению, более продуктивно, чем делать самые широкие обобщения о ментальной картине мира носителя того или иного языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : [пер. с англ.] ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Рус. слов., 1996.
3. Pottier B. Théorie et analyse en linguistique. P.: Hachette, 1992.
4. Кожемякина В. А. Язык и стиль французских официально-деловых документов: учебное пособие. М.: МГИМО, 1987.
5. Truilhé-Morengo E. Vers un droit communautaire des contrats Thèse de doctorat en Droit Sous la direction de Emmanuel Putman. Soutenue en 2002 à Aix-Marseille.
6. Goubeaux G., Bihr Ph. Les épreuves écrites en droit civil: Dissertation, Consultation, Commentaire d'arrêt. P.: LGDJ, 2001.
7. Oumhani C. Plus loin que la nuit. Condé-sur-le-Noireau: Editions de l'aube, 2007.

REFERENCES

1. Gak, V. G. (2004). Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka = Theoretical grammar of the French language. Moscow: Dobrosvet, 2004. (In Russ.)
2. Wierzbicka, A. (1996). Language, Culture and Cognition [transl. from English] ; ed. by M. A. Krongauz. Moscow: Rus. slov. (In Russ.)
3. Pottier, B. Théorie et analyse en linguistique. (1992). Paris: Hachette.
4. Kozhemyakina, V. A. (1987). Yazyk i stil' frantsuzskikh ofitsial'no-delovykh dokumentov = The language and style of French official business documents: Textbook. Moscow: MGIMO.
5. Truilhé-Morengo, E. (2002). Vers un droit communautaire des contrats Thèse de doctorat en Droit Sous la direction de Emmanuel Putman. Soutenue en 2002 à Aix-Marseille.
6. Goubeaux, G., Bihr, Ph. (2001). Les épreuves écrites en droit civil: Dissertation, Consultation, Commentaire d'arrêt. Paris: L G D J.
7. Oumhani, C. (2007). Plus loin que la nuit. Condé-sur-le-Noireau: Editions de l'aube.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Туницкая Елена Леонидовна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры романо-германских языков

Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tunitskaya Elena Leonidovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor at the Department of Roman-Germanic languages

the All-Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.11.2023
22.12.2023
10.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication